

А. Н. Кудрявцева

Тверской государственный университет, 4 курс

Научный руководитель: к.ф.н. Н. В. Захарова

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Юридический перевод – это раздел перевода, имеющий дело с текстами и документами, относящимися к области права [Лингваконтакт URL]. Основная особенность юридического перевода заключается в том, что переводчику нужно не просто превосходно владеть иностранным языком, но и разбираться в юриспруденции.

Особенности юридических текстов изучаются профессиональными переводчиками. Так, юридический текст не должен быть эмоционально окрашенным, поскольку выражает всего лишь факты действительности. Юридическому языку свойственны полнота и однообразие синтаксических конструкций. Ряд однородных членов и однородных придаточных усложняет восприятие юридического текста обычным человеком, однако необходим для исключения двусмысленных трактовок. Различие правовых систем стран приводит к тому, что при переводе термин одной системы может не быть представлен в другой. Так, например, термин «адвокат» в русском языке соответствует нескольким терминам английского языка, таким как «barrister», «solicitor», «attorney». Выбор правильного слова будет зависеть от контекста. Терминологическая насыщенность является главной особенностью юридического текста. Большая часть текста состоит из специализированной лексики. При работе с отраслью права не каждый синоним может быть использован при переводе, так как юридический текст не терпит искажения смысла. Клише и речевые штампы облегчают деловую коммуникацию. Задача переводчика юридического текста – установить эквивалентность между штампами языка оригинала и перевода, избегая дословного перевода.

Юридический перевод представляет собой свои трудности, которые определяются, по мнению К. М. Левитана, следующим рядом причин: трудности, обусловленные языковой природой термина; трудности, связанные со специфическими характеристиками юридического термина; трудности, возникающие из-за расхождения объемов понятий, передаваемых терминами-аналогами; существование специфичных для одной терминосистемы единиц и отсутствие переводческих соответствий в другой [Левитан 2012: 177-178].

И. Н. Мешкова говорит о том, что язык права включает как повседневный словарь, так и собственный. Повседневные термины употребляются, как правило, в институциональных вопросах и в вопросах общей связи фактических ситуаций. Технические термины предпочтительны при подробном изложении норм, при детальном анализе

юридических ситуаций, а также при толковании юридических реалий [Мешкова 2011: 221].

Автор выделяет 3 категории понятий и выражений юридической терминологии.

Первая категория — это термины повседневной речи, сохраняющие в системе языка права значение, почти полностью совпадающее с их обычным значением. Так, используемые в гражданском праве термины «брак, развод, наследство, контракт» являются обычными и понятными с точки зрения повседневной речи. Такие термины, как «институт», «решение», «нарушение», относятся как к обычному языку, так и к специальному юридическому.

Вторая категория терминов языка права включает такие слова повседневной речи, которым юриспруденция придает иной особый смысл, нередко чисто технического характера. Здесь уже можно неправильно понять термин. В финансовом праве слово «licence» означает не падение нравов или диплом о высшем образовании, а обычное административное разрешение на ведение той или иной экономической деятельности. В гражданском праве термин «jouissance» означает не «наслаждение», как в общем языке, а более строгое понятие: для юриста этот термин означает приносящее выгоду использование какой-либо вещи. К этой же категории относятся и многие другие термины. «Стороной» (partie) является лицо, непосредственно участвующее в каком-либо юридическом действии, а лицо, не являющееся стороной, становится «третьим лицом “tiers”». «Assiette» — это база для вычисления размера налогов и отчислений, «incapable» не означает «ни на что не годный», а «недееспособный, ограниченно правоспособный».

Намного труднее воспринимать термины третьей категории. Речь идет о чисто технических и даже научных терминах, при употреблении которых непосвященные — даже из числа политиков или журналистов — делают ошибки. Так, «droit réel» — это не действительное и неоспоримое право, а вещное право, то есть право, напрямую затрагивающее какую-либо вещь. Древние римляне называли вещь словом «res». «Cohourants» — это лица, принадлежащие к одной и той же семье, скончавшиеся одновременно, вследствие одного и того же несчастного случая, что вызывает большие юридические трудности при рассмотрении нотариусом вопроса о судьбе наследства. «Un régime parlementaire» означает не всякий политический режим, а только предполагающий наличие парламента, и который называется представительным. В некоторых случаях специальные юридические термины могут быть полисемичны. Так, например, в гражданском праве термин «cohabitation» (сожительство) имеет два значения: обычное и юридическое. В обычном значении сожительство — это факт проживания супругов вместе без узаконивания отношений. В юридическом же значении сожительство понимается как обязанность иметь

романтические и сексуальные отношения, вступать в быт, вести хозяйство только с одним лицом. В гражданском праве считается, что вещи должны использоваться в соответствии с их назначением. «Détention» в гражданском праве представляет «владение чем-либо», совершенно отличное от понятия «détention» в уголовном праве – заключение под стражу. Иначе, нежели в гражданском праве, трактуется и термин «arbitrage» в конституционном праве. Термин «concession», имеющий несколько значений в административном праве, имеет иное значение в гражданском, торговом и международном правах. В ряде случаев настоящее значение слова вызывает значительные трудности. Так, например, члены товарищества (société) называются «associés», тогда как члены ассоциации (association) — «sociétaires».

Существуют также различные технические приёмы, которые выделяет Д.Н. Шлепнев [Шлепнев URL]:

- использование прямого (регулярного) эквивалента или установление функционального эквивалента: «droit réel» – вещное право; «cour d'assises» – суд присяжных. Такой эквивалент требует от переводчика не создания, а лишь поиска правильного термина, существующего в профессиональной деятельности юристов. Так называемая безэквивалентная лексика и реалии в действительности вовсе не всегда лишены переводческих эквивалентов. В некоторых из представленных ниже примеров приведены прямые (и вполне регулярные, словарные) переводческие эквиваленты, хотя формально там сталкиваемся с реалиями или лакунарностью. Отдельная проблема заключается в том, что некоторые удачные решения вполне достойны того, чтобы стать регулярными словарными эквивалентами, однако в словарях они не зафиксированы;

- поиск функционального аналога, то есть слова или словосочетания в переводном тексте, имеющего в данном контексте то же значение, что и неэквивалентное ему слово или словосочетание в исходном тексте [Калашникова Боровикова 2017: 145]. Например, «juge d'instruction» – следователь; «police judiciaire» – уголовный розыск. Таким приёмом нельзя злоупотреблять, ибо это решение может быть чрезвычайно опасным (как, например, как в первом примере, верный вариант перевода – не следователь, а следственный судья). Необходимо взвешивать степень расхождения и сходства и возможные последствия;

- калька (дословный перевод) понимается как перевод слова или словосочетания по частям [Калашникова Боровикова 2017: 145]: «juge d'instruction» – следственный судья; «police judiciaire» - судебная полиция; «tribunal de grande instance» – суд большой инстанции; «кассационная инстанция» - jurisdiction de cassation;

- транскрипция / транслитерация заключается в передаче на письме тем или иным набором письменных знаков (фонетическим алфавитом) элементов звучащей речи (фонем, аллофонов, звуков) [Калашникова

Боровикова 2017: 145]: «magistrat» – магистрат; FSB и KGB используются в публицистике. В трудах компаративистов и в некоторых переводах можно обнаружить немало заимствований, произведенных с помощью этих приемов, не всегда уместных и удачных: «роббери», «бергларии» и даже «тризн» (при переводе с английского); «коммуницировать» и «коммуницирование»; «грефье»;

- семантический неологизм представляет собой новое слово или словосочетание, сочиненное переводчиком и позволяющее передать смысловое содержание реалии [Хакимова 2014: 180]: «*délit (pénal)*» – уголовный деликт (*délit pénal* во Франции – одна из трех разновидностей уголовного правонарушения);

- описательный перевод / перифраза – это приём перевода, который заключается в описании средствами другого языка обозначенного понятия [Калашникова Боровикова 2017: 145]: «*officier public*» – лицо, правомочное удостоверить юридические акты (например, нотариус, судебный исполнитель);

- генерализация заключается в замене частного общим, видового понятия родовым: судья – «*magistrat*» (французский «магистрат» обозначает и судью, и прокурора, но изолированно, без уточнения чаще употребляется, по-видимому, в значении «судья»);

- конкретизация представляет собой способ перевода, при котором происходит замена слова или словосочетания иностранного языка с более широким предметно-логическим значением на слово в переводе с более узким значением [Комиссаров 1990: 62]: «*magistrat*» – судья; «*officier public*» – нотариус. Конкретизация без достаточных оснований может привести к чрезвычайно тяжким последствиям;

- иные приёмы, в том числе смешанные и переходные случаи, в частности, с использованием смыслового развития, добавления информации и т.п.: «*tribunal d'instance*» – суд малой 5 инстанции; «*police judiciaire*» – уголовная (или криминальная) полиция. В первом примере добавление продиктовано самим языком, поскольку «чистая» калька порусски явно невозможна, и логически мотивировано наличием суда большой инстанции. Второй пример интересен тем, что а) так понятнее, чем «судебная полиция», и при этом б) не происходит культурной ассимиляции, которую можно усмотреть в «уголовном розыске». Стоит заметить, что в переводческой практике чаще всего используются именно смешанные решения, а не изолированные.

Часто применяется приём перевода с комментарием: *Officier public* – лицо, уполномоченное официально удостоверить юридические акты. Это родовое понятие для достаточно широкого круга лиц, имеющих право составлять официально заверенные от имени государства акты (*acte authentique*). К таким лицам относятся, например: нотариус, судебный исполнитель, секретарь торгового суда, служащий, ведающий актами

гражданского состояния (*officier de l'état civil* — во Франции им является мэ́р) и т.д. Термин не имеет прямого соответствия в русском языке.

Однако стоит помнить, что переводчик всегда работает не с отдельными словами, а с контекстом. Нет определенных рекомендаций и инструкций для использования того или иного приёма перевода. Всё зависит от документа и информации, а также от профессионализма переводчика.

Осмысление исходного текста производится в рамках контекста, который становится основанием для адекватного восприятия речевых актов. Поэтому необходимо анализировать семантику языковых единиц не только в пределах словаря и грамматических конструкций, но прежде всего в пределах того коммуникативного окружения, которое является уникальным для каждой оформленной мысли. Юридический контекст объединяет в себе свойства системы языка и системы права. Его изучение позволяет точнее и правильнее осмыслить не только значение языковых единиц, но и понять иную правовую систему и сопоставить её с собственными системами языка и права [Левитан 2019: 67].

ЛИТЕРАТУРА

Калашникова К. А. Особенности перевода реалий в художественном тексте (на материале англоязычных и русскоязычных переводов произведений Цао Сюэциня) // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. 2017. № 2. С. 142-150.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

Левитан К. М. Методика и техника юридического перевода // Актуальные вопросы преподавания иностранного языка, межкультурной коммуникации и переводческих дисциплин в вузе: сборник статей международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов вузов (Екатеринбург, 28 ноября 2012 г.). Екатеринбург: УрФУ. 2012. С. 174-181.

Левитан К. М. Некоторые вопросы дидактики юридического перевода // Вестник ПНИПУ. 2019. № 4. С. 60-72.

Лингваконтакт. Особенности юридического перевода. URL: <https://linguacontact.com/blog/osobennosti-yuridicheskogo-perevoda/> (дата обращения: 27.04.2022).

Мешкова И. Н. Техника перевода юридических текстов и юридическая лингвистика // Вестник РУДН. 2011. № 4. С. 219-223.

Хакимова Ш. Р. Приемы перевода интернациональных реалий // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2014 г.). Москва: Буки-Веди, 2014. С. 179-181.

Шлепнев Д. Н. Юридический перевод и юридическая терминология: профессиональный подход. Некоторые заметки (французский и русский языки). URL: <https://www.academia.edu/39729325/> (дата обращения: 03.04.2022).

Guinchard S., Montagnier G. *Lexique des termes juridiques* 2010, 17-e éd. Dalloz, 2009.